

М. Вачагаев

ОСОБЕННОСТИ ИСЛАМА В СОВРЕМЕННОМ ЧЕЧЕНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

По-разному датируется время проникновения и утверждения ислама в Чечне. По времени данный процесс растянулся практически на многие века. В любом случае нет ни одного факта присутствия мусульманских захоронений ранее похода Тимура в конце XIV в. И нет ни одного языческого захоронения уже со времен имамата Шамиля. Ислам, проникая в чеченское общество на протяжении долгих веков, утверждался не силой оружия, а путем его добровольного принятия шаг за шагом, село за селом, общество за обществом. Именно по этим причинам процесс исламизации чеченцев растянулся на многие века. По мере продвижения ислама в обществе вытеснялось язычество. Остатки христианства в высокогорной части Чечни практически с конца XIV в. никак уже не проявлялись [Ахмадов 2001: 229]. На первых порах шла адаптация языческих культов к исламу. К примеру, до сих пор у чеченцев-мусульман одно из самых распространенных обращений к Богу — это имя бога языческого пантеона (Дэла).

Сегодня чеченец ассоциирует себя исключительно с исламом. На вопрос о принадлежности к религии, чеченец отвечает: «Конечно же, я мусульманин, ведь я чеченец». То есть эти два понятия для него совершенно равнозначны. По этой причине практически все население Чечни ассоциирует себя с исламом, а также высок процент отрицательного отношения к другим конфессиям [Текушев 2011: 195].

Ислам изначально проник в Чечню с двух сторон — как с Востока (со стороны Дагестана), так и с Запада (под влиянием крымских ханов). Именно с этим стоит связывать то, что вплоть до начала XX в. в Чечне присутствовали на равных шафиитский и ханифитский мазхабы (две из четырех юридических школ в исламе). С конца XIX — начала XX в. ханифитский мазхаб был полностью вытеснен и шафиитский, как и в Дагестане, стал доминирующим. Данный выбор стоит связывать с тесными контактами чеченских мусульманских ученых с дагестанскими, многие из которых были последователями суфийских братств дагестан-

ской ветви в лице последователей накшбандийского тариката халидийского направления шейха Мухамеда Ярагского (ум. 1838) [Джемаледин 1986: 29].

Если до второй половины XVIII в. ислам в Чечне был представлен исключительно в форме суфизма накшбандийского тариката, то с этого времени чеченское общество познакомилось и с кадирийским тарикатом суфизма, проповедником которого являлся шейх Кунта-хаджи Кишиев.

Каждый тарикат суфизма в современной Чечне представлен многочисленными суфийскими братствами (чеч. — *вирды*). К примеру, накшбандийский тарикат в Чечне представлен 23 суфийскими братствами, в то время как кадирийский тарикат — только шестью братствами. Это не могло не сказаться на особенностях политического развития общества. Дело в том, что каждое суфийское братство выражает интересы определенной группы чеченского общества, братства выступают в качестве механизма политического регулирования общества [Вачагаев 2011: 228].

Например, во время Кавказской войны в противовес накшбандийцам, выступавшим за ее продолжение, кадирийцы призывали к отказу от военных действий. Это было принципиальным различием кадирийцев и накшбандийцев. Именно руководители из числа накшбандийцев организовали восстание в 1877–1878 гг. (под руководством имама Алибека Хаджи), а также способствовали формированию исламского государства во главе с шейхом Узун-хаджи. В постсоветский период стороны поменялись ролями: кадирийцы стали мотором движения против государства (кунта-хаджинцы в лице Д. Дудаева), в то время как накшбандийцы выступали за отказ от противостояния федеральному центру (арсановцы).

При этом стоит иметь в виду последствия доминирования в Советском Союзе политики воинствующего атеизма. Потеряв шейхов и будучи загнанными в подполье, суфийские братства оказались изолированными от внешнего мира, пресеклись их отношения с дагестанскими суфиями. В течение этих лет были утрачены классические суфийские традиции. В подобных условиях большее внимание уделялось сохранению практики суфизма как

такового. Он стал менее одухотворенным, была утеряна нить, связывающая местного шейха с суфийским миром. Суфизм оказался полностью привязан к авторитету местного шейха, являвшегося основоположником братства. Вся энергия была направлена на возвеличивание шейха и на факты, подтверждающие исключительное положение шейха конкретного братства в ранге суфийской силы, порой противореча основам ислама.

Наличие двух тарикатов (накшбандийского и кадирийского) вносит в жизнь чеченского общества своего рода конкуренцию. Это выражается в попытках иметь своих людей во власти, в получении мест имамов мечетей и кадиев в селах со смешанными тарикатами. Такого же рода соперничество, быть может чуть менее острое, имеет место и среди суфийских братств одного тариката. В селах, где преимущественно преобладают накшбандийцы, члены суфийских братств могут играть друг против друга, не принимая во внимание интересы кадирийцев. И, наоборот, там, где проживают в основном кадирийцы, они могут вести тайные игры против того или иного суфийского братства из числа своего же тариката.

Еще одной особенностью чеченского ислама является то, что при наличии большого количества суфийских братств нет официальных живых шейхов. Роль шейха того или иного братства чаще всего выполняют члены семьи основателя братства. Роль лидера братства передается по наследству в кругу семьи. При жизни члена семьи, возглавляющего братство, никто не называет его шейхом, его статус как бы скрывается от внешних глаз. Но и здесь есть исключения: одно из самых крупных и активных братств, братство кунтахаджинцев, не имеет явно обозначенного лидера. Данное братство живет на основании главного тезиса — возвращения своего шейха (мессии) Кунта-хаджи Кишиева, сосланного российскими властями в город Устюжна в январе 1864 г. [Акаев 1994: 59]. В данном братстве роль лидера играет в каждом населенном пункте выбранный из числа мюридов (последователей) предводитель (*туркх*). Все это тяжелые последствия политики воинствующего атеизма, проводившейся в СССР.

Особенностью ислама в Чечне является и сохранение им со времен Кавказских войн военной структуры. Каждое суфийское братство, в зависимости от масштаба его распространения среди населения Чечни, делится на тысячи, сотни и десятки, во главе которых стоят выбранные предводители [Вачагаев 2009: 36]. Данная структура позволяет оперативно реагировать на все, что происходит в Чечне, будь то войны или мирные политические процессы, например выборы. В каждом населенном пункте тот или иной предводитель братства берет на себя организацию и решение всех вопросов.

Еще одной особенностью мусульман Чечни является их отношение к муфтияту. Данная структура являет собой исключительно чиновничий аппарат: наличие двух тарикатов и почти трех десятков вирдовых братств не позволяет выбрать единого, всех устраивающего кандидата. При любом исходе выборов всегда есть братства, члены которых отказываются признавать муфтия лидером всех мусульман республики. Муфтий в Чечне — это номинальная фигура, которая без поддержки властей не способна что-либо предпринять в рамках республики.

Стоит отметить и высокую степень сохранения чеченцами вирдовых корней даже при нахождении вне Родины. Ареал распространения вирдовых связей сегодня — это не только территории, граничащие с Чечней — Ингушетия, Дагестан, Северная Осетия, но и чеченские диаспоры в Казахстане, Киргизии, Москве и Санкт-Петербурге, а также в Бельгии, Германии, Австрии и Франции. Нередки случаи вовлечения в свои ряды людей иных национальностей.

Ислам в современной Чечне многогранен, он не понятен и не доступен наблюдателю со стороны. При этом роль ислама очень значима в жизни современного чеченского общества. Появление в республике салафизма смещает акценты во внутричеченском противостоянии, так как речь идет о перетягивании «электората» в сферу влияния нового и более радикального религиозного течения. Влиянию салафизма больше подвержена молодежь и культурная элита, не желающие признавать то, что говорят суфии, вступившие в союз с властью. Практически это протест против политики, а не признание радикального течения. Однако в любом

случае это имеет место быть, а значит стоит ожидать углубления данного кризиса в ближайшем будущем. Власть, идя на союз с суфиями, дискредитирует суфизм в глазах общества.

Таким образом, говоря об исламе в Чечне, стоит иметь в виду, что ему присущи многие общие тенденции развития религии в условиях российского общества, но есть и сугубо специфические моменты, которые позволяют доминировать именно суфийскому элементу. Однако ситуация изменится, если суфии Чечни не наладят связь с суфийским миром и не будут в состоянии отвечать на критику приверженцев салафизма на основе трудов классического суфизма, а не опыта жизни их шейхов — основателей братств. Постоянные ссылки на деятельность этих шейхов являются слабым аргументом в споре с радикалами, в первую очередь с последователями салафизма.

Библиография

- Акаев В.Х.* Шейх Кунта-хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994.
- Ахмадов Я.* История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001.
- Вачагаев М.* Шейхи и зияраты Чечни. М., 2009.
- Вачагаев М.* Вирдовая структура как прототип политических партий в Чечне // Ислам в России и за ее пределами: история и культура общества. Магас, СПб., 2011.
- Текушев И.* Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Прага, 2011.